

ния, то В. И. Водовозов (25) не мог с этим согласиться. По его мнению, хотя Повесть и кончается победой Домостроя, тем не менее она констатирует пробуждение в русском обществе XVII века сознания невозможности жить по-старому. Образ молодца тоже дан двойственно. С одной стороны, автор Повести осуждает доброго молодца за нарушение заповедей родителей, с другой стороны, мягкие краски, которыми он обрисовывает своего героя, наводят на мысль о сочувствии автора своему герою. Монашеская жизнь также представляется автору вовсе не идеальной, как в более ранних сочинениях древней Руси, не высшим оправданием земного бытия, а как единственный выход и следствие неудачно сложившейся жизни героя. До Повести о Горе-Злочастии уход в монастырь изображался в древнерусской литературе как высшая цель, к которой должен стремиться человек в жизни. Автор Повести о Горе-Злочастии в этом отношении являлся представителем своего времени, эпохи XVII века, когда церковь, ослабленная «смутой», не без борьбы сдавала свои позиции. Е. А. Петухов (45) отметил, что характеристика победы монашеского идеала дается автором памятника двойственно, как бы свидетельствуя о переломной эпохе, в которую он творил. Это подчеркивают и поздние исследователи, например Н. К. Гудзий (60). «Монашеская жизнь, — пишет он, — трактуется в повести не как идеал, даже не как норма, а как своего рода исключение для тех, кто не сумел наладить свою мирскую жизнь по правилам, какие предписывала веками сложившаяся традиция».¹

Что касается образа героя Повести, доброго молодца, то в его характеристике исследователями не было до недавнего времени особенного разнообразия. В нем признавали человека нового поколения, порывающегося искать новые пути в жизни, но пассивно, и поэтому терпящего неудачу. Впрочем, и в этом вопросе при внимательном рассмотрении истории изучения памятника можно обнаружить некоторое расхождение во мнениях. Те ученые, которые видели основную идею произведения в наказании за неповиновение родителям и победе Домостроя, рисовали образ молодца как человека беспомощного, основной чертой характера которого является слабость духа (Буслаев, Марков, Сиповский и др.). Дорошкевич (50) даже пытался в своих «Критических заметках о преподавании древней русской литературы» рассматривать этот образ с точки зрения христианского идеала смирения и предлагал его как параллель для объяснения аскетизма Лизы Калитиной. Однако большинство исследователей поняло образ доброго молодца как человека нового поколения, ищущего иных самостоятельных путей в жизни, чем те, которые предписывались стариной, но еще недостаточно активного, чтобы выйти победителем.

Таким образом, герой выступает в Повести о Горе-Злочастии в конфликте двух поколений, имевшем место в реальной жизни Руси XVII века. Такова была традиционная точка зрения на памятник, постепенно развиваемая позднейшими учеными. Она была почти бесспорна до последнего времени. В 1948 году Д. С. Лихачев (71) снова вернулся к мнению Буслаева, что молодец — просто безвольный человек, что пьянство его — «кроткое пьянство». Он пишет: «...назидательная часть Повести складывается из чисто практических житейских наставлений. Мораль эта ни стара, ни нова, и молодец нарушает ее не потому, что хочет жить самостоятельно, а по безволию и „неразумию“. Молодец не новый человек, ему нечего противопоставить житейскому опыту своих родителей. В нем нет ни практической хитрости, ни пытливой любознательности, ни пред-

¹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 3-е, М., 1945, стр. 407.